

Дома никого не было. Бабушка, должно быть, ушла на завод сводить баланс.

Юйцин помог Жуньшэну доковылять до комнаты, усадил на диван и бережно стянул с него изорванную, перепачканную кровью одежду.

Они устроились в ванной. Пока Юйцин смывал грязь, он с облегчением обнаружил, что открытых ран на теле друга нет, зато все оно покрыто жуткими багрово-синими кровоподтеками.

— С кем это ты сцепился? — спросил он.

— Да так, с Сияньэром и его шоблой, — небрежно бросил Жуньшэн.

— Но... откуда тогда вся эта кровь? — встревожился Юйцин.

— А, это. Я их знатно пописал ножом, — в голосе Жуньшэна промелькнула странная, почти восторженная веселость.

Юйцин похолодел от страха:

— Ты... с ума сошел? Они хоть живы?

Жуньшэн тут же помрачнел:

— Они первые полезли! — недовольно буркнул он. — Ты вообще на чьей стороне?

— Но нельзя же чуть что за нож хвататься!

Жуньшэн замолчал. В ванной повисла тяжелая тишина. Лишь спустя минуту он тихо, с надрывом спросил:

— А по-твоему, мне надо было стоять и ждать, пока они меня до смерти забьют? — Он в упор посмотрел на Юйцина. — Тебе просто лень со мной возиться. Мечтаешь, небось, чтобы меня где-нибудь прибили, да?

От этих слов, диких и несправедливых, у Юйцина голова пошла кругом:

— Что ты за глупости несешь? — Он осторожно провел влажным полотенцем по ушибленному плечу друга, стараясь скрыть дрожь в руках. — Я просто боюсь... вдруг теперь за тобой полиция придет?

Жуньшэн уставился на него немигающим взглядом:

— Боишься, что меня заберут?

Юйцин вздохнул. Стоило им ненадолго отдалиться, как Эрмяо снова превратился в того колючего, странного мальчишку, каким был когда-то.

— А сам-то как думаешь? — спросил он в ответ. — Тебе хочется за решетку?

Жуньшэн растерялся, а затем тихо буркнул:

— Не хочется.

В этот момент Юйцин впервые в жизни по-настоящему понял, что чувствует бабушка, когда за кого-то из них переживает. Душа изболелась.

— Вот именно. Так они сильно пострадали?

— Живы останутся, — равнодушно отозвался Жуньшэн. — Не слышал, чтобы от пореза на руке умирали.

Юйцин немного успокоился, но тут же новая мысль обожгла тревогой:

— А если они вернуться, чтобы отомстить?

— Пускай приходят, — отмахнулся тот. — Если жить надоело, милости прошу.

— Эрмяо, прекрати! — рассердился Юйцин. — Нельзя так рассуждать. Учитель говорил: те, кто шляется по улицам с ножами, превращаются в хулиганов.

— А что мне еще делать?! — Жуньшэн резко вырвал руку. — Позволять им вечно меня пинать и мешать с грязью?

Юйцин хотел было возразить: «Расскажи взрослым!», но вовремя прикусил язык, вспомнив, что родителям Жуньшэна на него плевать.

От этой мысли сделалось невыносимо тоскливо. Выхода действительно не было. В школе-то, если с кем повздоришь, жалобы учителям редко помогали восстановить справедливость, а уж с уличными хулиганами вроде Сияньэра и подавно никто разбираться не станет.

В те беспокойные годы кулачные разборки на улицах были делом обыденным. Дрались все — от мала до велика. Сегодня огреб ты, завтра вернул должок; пока дело не доходило до мокрухи, никто и ухом не вел. А если побитый пацан прибежал домой в слезах, отец с матерью могли еще и сверху добавить за трусость да обозвать размазней.

Юйцин не находил слов для утешения. Он лишь молча притянул к себе ушибленную руку друга и принялся бережно протирать синяки.

На этот раз Жуньшэн не сопротивлялся. Юйцин поднял глаза и заметил, что тот смотрит на него, а в покрасневших глазах стоят непролитые слезы.

Юйцин отыскал домашнюю аптечку. Бабушка в прошлом году подвернула ногу, и с тех пор в коробке завалялось несколько травяных пластырей — они пришлись как нельзя кстати.

Целебная мазь приятно холодила кожу, но пахла резко, на весь дом. Юйцин наносил ее легкими, невесомыми касаниями, боясь причинить боль. Жуньшэн шмыгнул носом и недовольно проворчал:

— Липко как... Как я мыться-то буду?

— Тебе не вечно с ней ходить, — успокоил его Юйцин, аккуратно накладывая марлевую салфетку поверх мази. — Перед купанием снимешь, а потом свежую наложим.

— Посиди здесь, я принесу бинт.

Юйцин шмыгнул в материнскую комнату и взобрался на высокий шкаф, где хранились запасы перевязочных средств.

В этот момент в прихожей раздался стук.

Допытываясь до заветного свертка на верхотуре, Юйцин крикнул:

— Это бабушка?

Жуньшэн, опираясь на здоровую ногу, доковылял до двери. Из коридора донесся чужой голос:

— Есть кто дома? Это Бао Лян! На заводе выдали пайки за работу в жару, мой брат и на вашу долю прихватил...

Юйцин торопливо спустился со шкафа, крепко сжимая рулон широкого бинта, и побежал в гостиную. Бао Лян уже бесцеремонно просочился в квартиру. Жуньшэн стоял перед ним с

каменным лицом.

Поскольку всю грязную одежду с него сняли для стирки, парень остался в одних коротких синих трусах. Он стоял практически голышом.

Бао Лян, прижимая к груди тяжелую картонную коробку, принялся беззастенчиво разглядывать Жуньшэна с ног до головы. На его лице блуждала приторно-любезная улыбка.

— Ты тоже из Динов будешь? Я только что твою бабушку на улице видел... Дома из старших нет никого?

— Бабушка скоро вернется, — звонко крикнул подбежавший Юйцин.

Взор Бао Ляна, однако, оставался прикованным к полуголому телу Жуньшэна.

— А, понятно. Я тут гостинцы принес.

— Спасибо вам, дядя. Оставьте у порога, я передам бабушке, когда она придет, — вежливо попросил Юйцин, чувствуя смутное беспокойство.

Но мужчина проигнорировал его слова и двинулся вглубь коридора.

— Да ладно тебе, тут консервы тяжелые, у дверей только мешаться будут. Я сразу на кухню отнесу, — проговорил он и, проходя мимо, ловким движением прикрыл за собой входную дверь.
— Ну что, пацаны, домашку на каникулы уже сделали?

Бабушка с мамой строго-настрого наказывали никогда не пускать в дом посторонних, если взрослых нет. В груди у Юйцина неприятно закололо от тревоги.

— Сделали. Дядя, правда, оставьте коробку, не нужно дальше ходить.

Но стоило Бао Ляну опустить груз на кухонный стол, как он вдруг покачнулся и с глухим стуком повалился на пол. Юйцин так и замер.

— Дядя, что с вами? — Он бросился к упавшему и попытался помочь ему подняться.

Мужчина навалился на мальчика всем телом, его ладони крепко, до боли сжали Юйцина чуть выше бедер.

— Ох... Жара невыносимая, кажись, удар хватил солнечный, — засипел он, тяжело дыша прямо в лицо ребенку. — Можно я у вас чуток посижу, отдышусь?

Юйцин растерянно кивнул:

— Хорошо... Вы присядьте, я сейчас воды принесу.

Бао Лян медленно разжал пальцы.

В этот момент в проеме показался Жуньшэн. Прыгая на одной ноге, он сердито уставился на Юйцина:

— Нога болит! Мочи нет!

Юйцин заметался. Наспех налив Бао Ляну кружку холодной воды, он подхватил Жуньшэна под мышку и увел в свою спальню.

Жуньшэн плюхнулся на бамбуковую циновку и обиженно прошипел:

— Я его не впускал. Он сам ввалился.

Юйцин прижал палец к губам, призывая друга к тишине:

— Тс-с, тише ты. Ничего страшного, сейчас попьет воды и уйдет.

Но едва он развернул бинт, чтобы перевязать лодыжку друга, как дверь скрипнула. На пороге вырос Бао Лян.

— Ой, а тут у нас что? Ножку подвернул? — запричитал он, бесцеремонно проходя в детскую.
— Давай-ка помогу. Дядя в этом деле мастер, живо на ноги поставлю!

Не успели мальчишки опомниться, как его липкие пальцы обхватили лодыжку Жуньшэна.

Юйцин почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Дядя, спасибо, но я сам справлюсь. Мы привыкли.

— Да разве ж это дело? Обычное растяжение, говоришь? — заворковал Бао Лян, не выпуская ногу мальчика. — Тут глаз да глаз нужен. Запустишь — всю жизнь мучиться будешь, сустав разболтается, так и пойдет вывихиваться при каждом шаге. А знаешь, почему ты ногу подвернул? Всё из-за слабых связок.

Он поманил Юйцина пальцем:

— Подойди-ка поближе, дядя покажет. Вот гляди, колено... — Его ладонь медленно поползла вверх по голой ноге Жуньшэна, оглаживая коленную чашечку. — Колено — штука тонкая. Если тут непорядок, то и ступня держать не будет. У вас обоих коленки слабенькие.

С этими словами он, вкрадчиво массируя колено Жуньшэна, протянул вторую руку и бесцеремонно сжал колено Юйцина.

— Да-да, у обоих беда. И ладно бы только колени, тут же всё выше идет, к тазобедренным суставам... — Пальцы мужчины похотливо скользнули по внутренней стороне бедра Жуньшэна, подбираясь к краю коротких трусиков.

В ту же секунду Жуньшэн резко вскинул раненую ногу и со всей силы заехал пяткой, густо измазанной едкой мазью, прямо Бао Ляну в физиономию.

Тот истошно взвизгнул и кубарем покатился с кровати на пол.

— Ой, дяденька, простите великодушно, — тоненьким, невинным голоском пропел Жуньшэн. — У меня жуткий дефицит кальция, судороги постоянно сводят. Сама нога дернулась.

Удар пришелся на славу: марлевая салфетка, пропитанная жгучим дегтярным пластырем, намертво прилипла к лицу мужчины. Вонь ударила в нос, глаза нещадно зажгло. Завывая от боли, Бао Лян вскочил и, спотыкаясь, понесся на кухню смывать эту гадость.

— Господи... да что ж это за отравка такая?! — доносилось от раковины сквозь фырканье и плеск воды.

— Обычный медицинский пластырь, — растерянно пискнул Юйцин.

Жуньшэн громко, демонстративно прервал его:

— Юйцин, а когда твоя бабушка вернется?

На этот раз Юйцин сообразил мгновенно:

— Да вот-вот должна зайти! Она всегда в это время с завода возвращается.

Фырканье на кухне прекратилось. Бао Лян с распухшим, красным лицом выскочил в прихожую.

— Ладно, пацаны... Раз такое дело, пойду я, — буркнул он, не глядя на детей, и поспешно выкатился за порог.

Едва за ним захлопнулась дверь, Юйцин подлетел к замку и повернул щеколду на два оборота.

Вернувшись в комнату, он застал Жуньшэна в глубоком унынии. Тот брезгливо разглядывал собственную ступню.

— Надо помыться. Меня сейчас вырвет от мерзости.

Юйцин вспомнил прикосновение потных, скользких пальцев Бао Ляна к собственному колену, и его самого передернуло от отвращения.

— Да уж, ну и гадкий тип. Прямо тошнотворная тварь.

Пришлось им снова запереться в ванной и докрасна оттирать кожу мылом.

Зато теперь им никто не мешал. Юйцин бережно наложил чистую повязку на щиколотку друга. Прохладная вода и чистота вернули им бодрость. Устроившись рядышком на бамбуковой циновке, они с аппетитом принялись за холодную лапшу, которую бабушка заботливо приготовила перед уходом.

Жуньшэн не жаловал сладковатые соусы, поэтому Юйцин, чтобы поднять ему настроение, пообещал в следующий раз угостить домашней лапшой с наваристой мясной подливой из свиного фарша. Это сработало. Колючий Жуньшэн оттаял и снова сделался прежним Эрмяо — верным другом его детства.

У открытого окна нежно перезванивал бамбуковый ветряной колокольчик.

— Ты это, на улицах больше не светись, — негромко сказал Юйцин. — Мама обещала со следующей четверти отдать мне сестринский велосипед. Буду подвозить тебя до школы и обратно.

Жуньшэн окинул его хрупкую фигуру полным сомнения взглядом:

— Сдюжишь ли? Я ведь не пушинка.

— Обижаешь! — гордо фыркнул Юйцин. — Вот заживет нога, выйдем во двор и потренируемся.

Жуньшэн долго молча смотрел на него, а затем порывисто обнял за плечи, уткнувшись носом в его шею.

— Ты не думай... Всё, что я там в ванной наговорил — это я со зла. Неправда это.

— О чем ты? — удивился Юйцин.

Но Жуньшэн продолжал гнуть свое:

— И вообще, когда я позову тебя к себе, ты обязан прийти. Слышишь? Без отговорок.

«Ну вот, опять раскапризничался», — с мягкой укоризной подумал Юйцин.

— И бросать меня нельзя, — прошептал Жуньшэн, сжимая объятия крепче. В его голосе сквозила детская ранимость вперемешку с упрямым требованием ласки. — А ну говори: я твой самый лучший друг?

— Конечно. Ты мой самый близкий друг, — искренне ответил Юйцин. — Ну и Эрпан с Маганьэром тоже. Мы ведь все четверо водой не разлить.

Жуньшэн мгновенно отпрянул и надулся:

— У тебя как по словесности было? Слово «самый» означает единственное число! Един-единственный!

— Но как же наши пацаны? — искренне расстроился Юйцин.

Жуньшэн долго и шумно сопел носом, борясь с собственническими чувствами, но в конце концов нехотя сдался:

— Ладно, черт с ними, пускай они тоже будут «самыми»... — Он опустил глаза и тихо добавил: — Но знай: у меня, кроме тебя, вообще никого ближе нет.

В груди у Юйцина разлилось щемящее, сладкое тепло. Он прижал друга к себе и тихо рассмеялся:

— Ну ладно, договорились. Тогда ты для меня — самый-самый лучший. На всем белом свете.

Лицо Жуньшэна наконец озарила светлая, счастливая улыбка.